

M. Spark's women are often caught between social conventions and the demand for self-determination. Their choices—whether in matters of love, career, or spirituality—reflect a deep philosophical inquiry into autonomy. For instance, in *Loitering with Intent* (1981), Fleur Talbot embodies the idea of authorship as both literal and metaphorical intellectual agency. She not only creates fiction but also rewrites her own life, asserting control over narrative and meaning. Fleur's agency reflects a postmodern skepticism toward singular truth and an affirmation of the plurality of interpretation.

From a feminist-philosophical perspective, M. Spark's characters enact what Beauvoir described as the necessity for women to transcend objectification and claim subjecthood. Spark reframes this philosophical insight within her playful, ironic style, showing that intellectual independence is not granted but must be actively negotiated.

Conclusion

Muriel Spark's works demonstrate that literature is a vital arena for exploring philosophical questions of identity, freedom, and knowledge. Her female characters embody the struggle for intellectual and philosophical agency in a world that questions the stability of truth and meaning. By bridging postmodern literary techniques with existential and feminist philosophy, M. Spark offers a unique vision of women as thinkers, creators, and interpreters of their own destinies. Her fiction thus contributes not only to literary modernism and postmodernism but also to the philosophical discourse on women's intellectual autonomy.

References:

1. Spark, M. (1961). *The Prime of Miss Jean Brodie*. Macmillan.
2. Spark, M. (1970). *The Driver's Seat*. Penguin books.
3. Smith, J. A. (2013). "Muriel Spark's Portrayal of Women's Intellectual Empowerment: A Critical Analysis." *Journal of Literature and Gender Studies*, vol (VII), 223-243.
4. Spark, M (1981). *Loitering with Intent*. The Bodley Head
5. Spark, M. (2000). *Aiding and Abetting*. Viking
6. Djalaldinova, M. Z. (2023). EXPRESSION OF POSTMODERN IDEAS IN THE WORKS OF MURIEL SPARK. *International journal of advanced research in education, technology and management*, 2(11).
7. Djalaldinova, M. (2024). COMPREHENDING THE MYSTERIES OF POSTMODERN LITERATURE: THE ART OF THE WORD BY MURIEL SPARK. *Farg'ona davlat universiteti*, (2), 81-81.
8. Djalaldinova, M. Z. (2024). CRAFTING COMPLEX FEMALE CHARACTERS IN MURIEL SPARK'S WORKS. *Mental Enlightenment Scientific-Methodological Journal*, 5(06), 51-57.
9. Singh, A. B., & Zuxurdinova, D. M. (2025). THE EXPRESSION OF THE FEMALE VOICE IN POSTMODERN LITERATURE: THROUGH THE LENS OF MURIEL SPARK'S FICTION. *Multidisciplinary and Multidimensional Journal*, 4(5), 38-42.

УДК 130.2:81'22

КОННОТАЦИЯ И ДЕНОТАЦИЯ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Джусупов Берик Искакович

Карагандинский национальный исследовательский университет имени Е. А. Букетова
ассистент профессор кафедры философии и теории культуры, кандидат философских наук,
Караганда, Казахстан

Каким образом из коннотативных звуков рождаются денотативные слова; говоря обобщенно -каким образом из до-и внеязыкового употребления звуков рождается язык, чисто человеческий вид деятельности? Каким образом коннотация становится денотацией? Коннотативное слово всегда связано с той конкретной ситуацией, в которой оно возникает. Так, слово "аминь", будучи примером типичной коннотации, т. е., не являясь обозначением какого-либо конкретного предмета, обозначает конкретную ситуацию завершения молитвы, действия или ритуала. Оно ничего не «значит» вне этой ситуации и поэтому не употребляется вне нее. Денотативное же слово переводит это ситуативное значение из однократного личного опыта в «общий план», делает его пригодным для многих возможных ситуаций. Оно формирует «банк памяти» и саму память, превращая коннотативные звуки

в символы, напоминающие о чем-то постоянном, неизменном в потоке постоянно меняющихся ощущений и восприятий, и связывая эти звуки с реальными ситуациями и вещами. И только в силу многократного повторения ситуативного значения в сходных ситуациях с помощью памяти эти ситуативные значения превращаются в более или менее устойчивые смыслы слов, делая возможной коммуникацию и понимание. Лишь в этом коллективном опыте слово и объект скрепляются друг с другом с помощью денотации, оседают в памяти в качестве устойчивых и понятных значений (смыслов). И символизм в этом процессе играет самую непосредственную и важную роль: слово становится напоминанием о предмете, его знаком, как символ всегда есть напоминание о чем-то другом.

Слова по своей сути являются символами, сами по себе они не имеют (не должны иметь) ценности, и в этом состоит огромное преимущество языка перед другими выразительными средствами. Символ, который интересует нас еще и как объект, отвлекает нас от своей главной функции, он плохо выполняет свою функцию. Чем более абстрактны и бессодержательны символы, тем больше их семантическая сила. Конкретные слова плохо подходят для выполнения символических функций, напротив, чем бессодержательнее слово, звук, тем больше он подходит для выражения понятия. Вокабулы сами по себе настолько бессодержательны, что мы даже не осознаем их физическую природу, мы осознаем их только через коннотацию, денотацию или в других смысловых функциях. Наша мыслительная активность протекает как бы сквозь них, совсем иначе, чем со словами, которым мы придаем весомое значение. Мы обращаем на них внимание, когда, например, изучаем иностранный язык или овладеваем специальной терминологией. Но как только мы этим овладели, мы перестаем обращать на них внимание.

Но, пожалуй, высшее достоинство вербальных символов состоит в том, что они выказывают практически неограниченную способность составлять различные комбинации. Этой способностью они обязаны экономии или скорости, с какой создается, представляется и заканчивается каждое слово, уступая место другому слову. Это дает нам возможность улавливать целые группы значений одновременно и создавать новые, цельные, сложные понятия, не зависящие от отдельных коннотаций быстро произносимых слов. В этом состоит сила языка - воплощать понятия не только о вещах, но и о вещах в их комбинациях или ситуациях. Комбинация слов, коннотирующих понятие-ситуацию - это дескриптивная фраза; если слову-отношению в такой фразе придается грамматическая форма, называемая «глаголом», то фраза становится предложением. Глаголы - это символы с двойной функцией: они выражают отношение и одновременно утверждают, что отношение сохраняет силу, т.е. что символ является денотацией. С логической точки зрения они комбинируют значение функции и знака-утверждения, глагол имеет силу «утверждения функции». На ранних стадиях развития человека коннотативные звуки, имея не общепринятое, а индивидуальное значение лишь для произносящего их человека, не могли выступать в качестве средств коммуникации и понимания; они непременно должны были сопровождаться многими другими дополнительными знаками, проясняющими смысл передаваемого сообщения. И лишь длительная практика фиксации ассоциации звука и предмета делает этот смысл общезначимым, начинает служить средством коммуникации и превращает звук в полноценное слово. Но язык - это не просто средство коммуникации и передачи сообщений или простой набор символов, это еще и разветвленная сложная самостоятельная система связанных друг с другом элементов, с присущими только ей закономерностями и способами связи.

Именно в таком виде разветвленной самостоятельной системы, функционирующей по собственным законам, существует язык у известных нам племен и народов. Но каким образом возникает эта система, как формируется эта сложная структура из достаточно простого набора исходных символов и звуков?

Связи слова и объекта закрепляются в уме человека с помощью памяти, делая эту связь общезначимой. Формирование человеческой памяти играет важнейшую роль в формировании языка. Если у животных память ситуативна и непосредственно привязана к объекту, то человеческая память, благодаря возникновению константного значения, структурируется несколько иначе. У животных всякий новый воспринимаемый объект вытесняет из памяти предшествующий, не устанавливая связи с ним (или устанавливая крайне слабую неустойчивую связь). Поэтому мы говорим, что животные не обладают памятью. У человека новый воспринимаемый объект не вытесняет предшествующий, а

благодаря денотации и фиксации значения сосуществует с предшествующими объектами, образуя между ними новые связи. Без общезначимых смыслов связи между предметами для животных являются лишь стимулами для совершения действий, не вызывая других ассоциаций. У человека, благодаря сформировавшейся сети абстрактных значений (смыслов), завязываются автономные от предметных связи, формируя отдельный от предметного мир идеальных связей (воспоминаний).

Основой этого нового способа связи становится не другой объект или ситуация, а символ. Символ (в виде звука или слова) фиксирует в человеческом действии, поведении некое значение и делает его основой воспоминания, открывая путь к понятию о предмете (ситуации). Вокруг этой основы группируются другие восприятия и впечатления, образуя ассоциативную связь; когда этот предмет называется, то в памяти всплывает вся ассоциативная группа, а не только конкретная ситуативная связь.

Таким образом, ассоциативная группа со множеством разнообразных связей удерживается и вызывается в памяти посредством символа (имени или наименования), играющего главную роль в этом процессе. Одно слово может вызывать у человека массу совершенно разных воспоминаний, связанных с множеством ситуаций. Слово «мама» у ребенка вызывает не только образ матери, но и массу эмоций, чувств и мыслей, сгруппированных предшествующим опытом вокруг этого символа. Имя знакомого человека вызывает при его упоминании у других людей целый веер эмоций, мыслей, воспоминаний о событиях, в которых участвовал называемый. Эту ассоциативную группу, вокруг которой формируется комплекс взаимосвязанных значений, в лингвистике называют «контекстом». Этот контекст, в конечном счете, и определяет смысл употребляемых человеком звуков или слов, делая возможным понимание и коммуникацию.

Но язык никогда бы не стал той развернутой сложной и самодостаточной структурой, в качестве которой мы сегодня его знаем, если бы он базировался только на контексте. Контекст фиксирует сложившееся, константное, неизменное значение или сумму значений. Но если бы в этот неизменный контекст человек не вносил бы постоянных изменений, коррекций и новшеств, то язык (как контекстное образование) так и застрял бы в самом начале.

Человеческий язык должен постоянно развиваться, изменяться (в том числе и контекстно), только так он может функционировать как живая органическая система. Поэтому кроме константного контекста язык включает в себя в качестве важнейшего элемента также новацию, способность к изменению и развитию. В своей элементарной форме язык может существовать (и по-видимому вначале существовал) в форме отдельного слова, выполняющего функцию целого предложения. Но это не «нормативная» форма существования языка, в современной лингвистике такие слова-предложения называются «анаколюфом» - отклонением от грамматической структуры языка. Такие слова-предложения всегда требуют дополнений, пояснений, коррекций с помощью других слов, жестов, невербальных средств.

Как считают некоторые современные лингвистические теории, развитие синтаксической структуры языка происходит именно таким образом - через дополнения, пояснения к основному слову-предложению. Так возникают указательные слова, флексии, глаголы, прилагательные и другие модификаторы. С помощью этих модификаторов односложное слово-предложение постепенно развертывается в полноценное сложное предложение. Родается комплекс служебных слов, не имеющих своего собственного значения и служащих лишь для установления связей между членами предложения, или, как говорят лингвисты, «для заполнения дыр в языке».

Список использованной литературы:

1. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. - М: Издательство Уральского университета, 1999. - С. 68-74.
2. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. -М: Прогресс, 1990. -280 с.
3. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. - М: Издательство иностранной литературы, 1959. -382 с.